

Ученик уже вот-вот должен был врезаться в Се Уцзю, но тот продолжал невозмутимо сидеть за столом, и в его облике не было ни капли намерения уклониться или остановить столкновение.

Толпа у входа в библиотеку дружно облилась холодным потом: никто не смел и представить, какой нелепой и шокирующей выйдет сцена, если этот парень и впрямь собьет главу секты с ног.

И как раз в тот миг, когда все решили, что сегодня глава секты окончательно потеряет лицо, одна фигура среагировала быстрее всех. Промелькнув мимо дверей, человек в последнее мгновение перед ударом перехватил летящего ученика и рывком оттащил его в сторону.

Когда бедолагу жёстко остановили, а спаситель, пошатнувшись, восстановил равновесие, все наконец разглядели его лицо.

Это оказался Линь Цзин.

Библиотека находилась на Пике Возвышения в Небеса и была под началом старейшины Громового Молота. После решения открыть ее для всех, во избежание беспорядков, внутри требовался надзиратель. Все личные ученики были заняты подготовкой к Великой церемонии принятия учеников, так что старейшине пришлось отправить присматривать за залом самого праздного из них – Линь Цина.

Линь Цин одной рукой держал за шиворот ученика, а другой подпирал поясницу, тяжело дыша. Он так выложился в этом рывке, что только сейчас почувствовал запоздалый страх: если бы он замешкался и позволил этому парню врезаться в главу, старейшина Громовой Молот точно спустил бы с него шкуру.

Придя в себя, Линь Цин разглядел лицо ученика, затем глянул на стоящего в толпе Бай Сяньчэня и мгновенно догадался о подоплеке случившегося.

Внешние ученики Пика Десяти Тысяч Образов недолюбливали Ван Кэ. Они прошли через суровые испытания и отбор, чтобы остаться здесь, а Ван Кэ, ничего не умея, попал в секту через «черный ход» только благодаря доброте Старца Ста Трав. Естественно, многие считали это несправедливостью. И хотя Старец лишь дал юноше кров и нагрузил его грязной работой, неприязнь учеников никуда не делась.

Впрочем, правила секты были строги, и хотя Ван Кэ презирали, в открытую нападать не смели, ограничиваясь намеренным игнорированием и изоляцией, чтобы сорвать злость.

Но всегда находились смельчаки и любители покрасоваться, готовые рискнуть нарушением устава.

Линь Цин, будучи человеком свободным и водя дружбу с Ху Цином, часто заглядывал на Пик Десяти Тысяч Образов. Так он и познакомился с Ван Кэ, а заодно заприметил несколько рож, которые вечно задирали парня.

Этот летун был как раз одним из них.

Талантами такие ученики не блистали, в учебе ленились и, скорее всего, пытались провернуть какой-то дешевый трюк, но получили отдачу – рыли другому яму, а свалились сами...

Линь Цин одарил ученика презрительным взглядом и велел дежурным у входа увести его на Пик Вечного Спокойствия в темницу.

Благодаря своевременному вмешательству Линь Цзина инцидент не вызвал большой шумихи, и ученики один за другим начали несмело входить в библиотеку в поисках манускриптов.

Опасаясь, что кто-то еще захочет напракаться, Линь Цзин огляделся и бесцеремонно подошел к застывшему Бай Сяньчэню, по-хозяйски приобняв его за шею:

— Давай! Садись со мной, чтобы больше никто ничего не замыслил. Мой учитель предупредил: если сегодня здесь случится заваруха, он с меня кожу сдерет. Так что утихомирьтесь все, не ищите себе проблем на мою голову!

Линь Цзин говорил громко, обращаясь не столько к Бай Сяньчэню, сколько к тем немногим, кто еще бросал в их сторону косые взгляды.

Люди и впрямь не решились связываться с Линь Цзином, и враждебные взгляды, только что прикованные к Бай Сяньчэню, мгновенно исчезли.

Линь Цзин зашептал Бай Сяньчэню на ухо:

— Тот парень, что вылетел, явно метил в тебя, только почему-то сам пострадал...

Бай Сяньчэнь лишь сдержанно улыбнулся, явно не желая поддерживать беседу. Линь Цзин не стал навязываться, усадил его неподалеку от Се Уцзю и Старца Ста Трав и, немного подежурив рядом, вернулся на пост у дверей.

— Линь Цзин, хоть и шумный малый, но в обучении талантлив и характером неплох. Старейшина Громовой Молот не ошибся в нем, — промолвил Старец Ста Трав. Он был гораздо старше остальных старейшин – виски и борода совсем поседели, а улыбчивое лицо излучало доброту. Он с одобрением смотрел вслед Линь Цзину, вскользь хваля его успехи перед Се Уцзю.

Взгляд Се Уцзю оставался безучастным; он явно не собирался поддерживать этот разговор.

Старец уже привык к ледяному безразличию главы и понимал: тот хоть и молчит, но слушает. Старец причмокнул губами и с улыбкой спросил:

— Раньше вас и раз в полгода увидеть было чудом, а в последнее время мне всё кажется, будто вы повсюду?

Поскольку Старец Ста Трав не привык скрывать свои мысли и говорил открыто, Бай Сяньчэнь без труда расслышал этот вопрос.

Подперев щеку рукой, он искоса глянул в сторону Се Уцзю: ему и самому было чертовски интересно узнать ответ.

С чего это Се Уцзю стал таким праздным?

Уловив в словах Старца иронию, Се Уцзю на мгновение заподозрил, что тот что-то прознал, и наконец поднял на него взгляд.

Старец продолжал лукаво улыбаться:

— Если вам так приглянулись чужие личные ученики, может, стоит всё-таки серьезно выбрать себе собственного?

«Так вот он о чем», – понял Се Уцзю.

Он вдруг поднял голову и посмотрел в ту сторону, где сидел Бай Сяньчэнь. И надо же – тот тоже не сводил с него глаз.

Их взгляды соприкоснулись лишь на миг. Бай Сяньчэнь совершенно естественно и плавно перевел взор на Старца Ста Трав, будто до этого смотрел куда-то в пустоту и лишь случайно скользнул взглядом мимо главы.

Заметив, что Се Уцзю отвлекся, Старец из любопытства проследил за его взором и, увидев лицо «Ван Кэ», на мгновение задумался, а затем приветливо кивнул Бай Сяньчэню.

Бай Сяньчэнь тут же ответил широкой, простодушной и дружелюбной улыбкой.

Стоило Старцу отвернуться, как ему показалось, будто холод в зале внезапно усилился. Не придав этому значения, он плотнее запахнул рукава и понизил голос, продолжая разговор с Се Уцзю:

— Раз уж вы в эти дни заходите в библиотеку, присмотрите за тем мальчиком, если снова увидите, что его обижают. Таланта у него нет, и из-за моей минутной жалости ему приходится терпеть немало косых взглядов...

Старец долго расписывал Се Уцзю добрый нрав Ван Кэ, и после каждой истории сокрушался: единственный изъян ребенка в том, что у него нет ни капли способностей к самосовершенствованию.

Для Старца чистота души была важнее силы. И он не лгал: будь у Ван Кэ хоть крупица духовной ци, он бы принял его в ученики наперекор всем, но Ван Кэ явно не был рожден для Пути.

Закончив о Ван Кэ, Старец снова вернулся к Се Уцзю:

— В любом случае, в этот раз на Великой церемонии не будьте так категоричны, как прежде. Сначала присмотритесь.

Услышав это, Се Уцзю с едва заметной усмешкой посмотрел на Старца:

— А если мне приглянется тот же ученик, что и вам, вы уступите его мне?

Старец Ста Трав не ожидал от него подобных шуток. Он в замешательстве уставился на Се Уцзю, но не обнаружил на его лице ни тени веселья. По спине Старца пробежал холодок: он вдруг вспомнил одно странное утро много лет назад, после которого его долго мучили кошмары.

Тело Бай Сяньчэня обладало огненной природой, которая конфликтовала с холодом Пика Снежной Бумаги. Став учеником Се Уцзю и поселившись на его пике, Бай Сяньчэнь начал болеть.

В те времена, когда Се Уцзю был слишком занят и не обращал на него внимания, Бай Сяньчэнь любил бегать за другими старейшинами, и со Старцем Ста Трав у него сложились теплые отношения.

Однажды Бай Сяньчэнь серьезно занемог и долго не появлялся на Пике Десяти Тысяч Образов.

Бай Сяньчэнь как-то обмолвился, что любит, когда о нем заботятся. Вспомнив об этом, Старец, годами не ступавший на Пик Снежной Бумаги, решил навестить больного. Он велел ученикам купить в городе сладостей и игрушек и ранним утром отправился на пик, чтобы подбодрить юношу.

Се Уцзю не любил посторонних, на его пике не было даже учеников-слуг. Старец беспрепятственно дошел до покоев главы, постучал, но никто не ответил.

Тогда он направился к жилищу Бай Сяньчэня и снова постучал.

На этот раз последовал ответ:

— Войдите.

Это был голос главы секты.

Хотя присутствие Се Уцзю – этой ледышки, не знающей сострадания, – в покоях больного ученика ни свет ни заря казалось странным, Старец до того, как открыл дверь, не думал ни о чем дурном.

Но представшая перед ним картина была поистине невообразимой.

Старец увидел главу секты, сидящего на краю постели и почти прижимающего к себе человека.

Се Уцзю обладал внешностью, полностью лишенной земной суеты: его черты были острыми, но не злыми; в них не было тепла, кожа казалась белой как снег, а в глубине глаз, казалось, навечно застыла ледяная пустыня – безмолвная, безэмоциональная.

У него была божественно прекрасная оболочка, которую почти никто не смел осквернить своими помыслами. От Се Уцзю всегда исходило ощущение божественности, недоступной людским страстям и мирской грязи.

И вот этот человек сидел, нежно обнимая кого-то.

Это было ужасающе.

Вспомнив, что Се Уцзю следует Пути Бесстрастия, Старец почувствовал, как у него задергалось веко. Он только хотел заговорить, как Се Уцзю, почувствовав чужой взгляд, резко обернулся.

В этот миг он совсем не походил на себя прежнего.

Он напоминал хищника, чьи границы нарушили: Се Уцзю слегка приподнялся, закрывая собой лицо того, кто лежал в его объятиях. В его глазах отразились неприязнь, настороженность, нетерпение... целая буря чувств, которым там было не место. Старец содрогнулся до глубины души.

«Проклятье! Призрак!»

Разве так следуют Пути Бесстрастия?! Это же Путь Радости чистой воды! Глава секты что, сменил учение?!

Старец вытаращил глаза, едва не решив, что это сон.

Разглядев, что в объятиях Се Уцзю покоится Бай Сяньчэнь, Старец хотел было выдохнуть с облегчением, но воздух застрял у него в горле.

Даже если это Бай Сяньчэнь – всё равно это неправильно!

Глядя на растрепанный ворот Се Уцзю и занимающийся за окном рассвет, было нетрудно догадаться, что он продержал юношу в объятиях всю ночь.

Старец окончательно лишился дара речи.

И когда он уже был готов поверить, что перед ним оборотень, Се Уцзю наконец заговорил:

— Он всё еще болен, приходите в другой день.

Возможно, потрясение на лице Старца было слишком явным, поэтому Се Уцзю добавил:

— Разве учитель не должен так заботиться об ученике?

Какой учитель заботится об ученике в такой позе? У каких учителей и учеников отношения настолько близки, что они спят в одной постели в обнимку?

Это...

В тот день у Се Уцзю была такая же едва уловимая усмешка, и Старец совершенно не понимал, шутит тот или нет.

Се Уцзю спрашивал с самым серьезным видом; он слегка склонил голову, и стоило ему чуть изменить угол, как он бы запечатлел поцелуй на лбу Бай Сяньчэня. Положив руку на талию юноши и наполовину прижимая его к себе, он спросил Старца:

— Разве это неверно?

Да в своем ли вы уме?! Разве это может быть верно?!

Старец взирал на их двусмысленную близость и всей душой желал, чтобы Се Уцзю увидел себя со стороны – неужели и тогда бы он счел это правильным?

Но взгляд Се Уцзю был чист; он явно не осознавал проблемы. Вспомнив о «нечеловеческой» природе главы, Старец не нашел в себе сил на грубость перед этим по-детски жестоким в своей невинности взором. Он лишь спросил в ответ:

— А вы сами как думаете, это правильно?

Се Уцзю вскинул бровь и, услышав встречный вопрос, опустил взгляд на того, кто был в его руках.

Неизвестно, что он там искал, но он замороженно смотрел на Бай Сяньчэня.

Сердце Старца неистово колотилось: он до смерти боялся, что Се Уцзю выкинет еще что-нибудь эдакое.

К счастью, тот ничего не сделал.

Се Уцзю лишь тихо произнес:

— Судя по вашей реакции – нет.

Сказал-то сказал, но руку с талии юноши так и не убрал.

У Старца сжалось сердце.

Покинув Пик Снежной Бумаги, Старец несколько ночей не мог уснуть. Он не посмел поднимать шум, но когда Бай Сяньчэнь выздоровел и пришел к нему, старейшина попытался осторожно его наставить.

Когда же он упомянул ту утреннюю сцену, Бай Сяньчэнь не выказал ни капли смущения. Он повторил ту же нелепицу, которой Се Уцзю кормил его самого, и заявил с полной уверенностью:

— Учитель именно так и должен заботиться о своем личном ученике!

Однако Старца было не так-то просто провести.

Расспросив юношу подробнее, он с ужасом узнал, что не только во время болезни, но даже при легком недомогании или просто плохом настроении учитель и ученик спали в одной постели.

Ничего себе «забота» – до кровати дозаботились!

— Ни один учитель не станет так опекать ученика! — горячо воскликнул Старец.

Бай Сяньчэнь беспечно пожал плечами:

— Но мой учитель должен заботиться обо мне именно так.

Поняв, что у этой парочки серьезно искажено восприятие отношений, Старец, убедившись, что ничего более предосудительного между ними не происходит, решил оставить всё как есть.

Некоторые вещи лучше не называть вслух, иначе они могут воплотиться в реальность. А если он своей «указкой» подтолкнет их к крайности, то сам же и сойдет с ума.

То утро было первым за сто лет их знакомства случаем, когда Се Уцзю заговорил с ним в такой почти «шутливой» манере. Позже Се Уцзю снова стал прежним холодным главой, и, видя, что его сердце Дао непоколебимо, Старец больше не поднимал тему «как должен поступать учитель».

Спустя столько лет Старец всё еще не знал, верный ли выбор сделал тогда.

Сейчас же, в библиотеке, тон вопроса Се Уцзю снова заставил его невольно вспомнить ту пугающе интимную сцену.

Старец покачал головой, отгоняя лишние мысли, и с улыбкой сказал:

— Да разве бывают такие совпадения? С чего бы нам с главой выбирать одного и того же ученика?

Се Уцзю произнес:

— А если так случится, вы уж должны мне уступить.

Старцу стало не по себе: предчувствие было таким же дурным, как и много лет назад. Но полной уверенности не было, поэтому он лишь со смехом согласился:

— Разумеется. Обязательно уступлю.

<http://bllate.org/book/19453/1908646>